СУПЕРПОЗИЦИЯ
Enginehandler:
Герда
Грау

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Иногда берешь билеты на рейсовый корабль, и не подозреваешь, что ты уже не просто пассажир, а политический беженец.

- ○ Глава 1. Бесплатные фишки
  ○ Глава 2. Изначальная галактика
  ○ Глава 3. Полифем
  ○ Глава 4. Суперпозиция
  ○ Глава 5. Невидимый фронт
  ○ Глава 6. Последний вопрос

Суперпозиция

Глава 1. Бесплатные фишки

— Не растягиваться, — рявкнул Лаудер.

Вайз втянул голову в плечи и постарался боком проскользнуть мимо него, не встречаясь взглядом. Остальные поступили так же, забирая свои билеты — сжатые губы Лаудера не предвещали ничего хорошего. Впервые они возвращались домой не учебным «Голиафом», а обычным транспортом, и давка с гражданскими определенно портила Лаудеру настроение и без того мрачное.

— После зоны Эдера он был такой же, — шепнул Гейл. — Вернемся, будем сортиры мыть.

— Вайз влип, ему и мыть, — хладнокровно ответил Тед. — Смотри под ноги.

Маленькая собачка обиженно взвизгнула, и хозяйка подхватила ее на руки, наградив Гейла нелестным эпитетом. Остальные пассажиры тоже не были особенно дружелюбны — больше часа из-за их роты куча народу вынужденно таскалась по космопорту с чемоданами, детьми и собачками.

Даже симпатичные бортпроводницы, встретившие их на трапе маломерного лайнера, не отвлекали от мрачных мыслей. Уставшие пассажиры совали мелкую кладь в механические руки, спускавшиеся из багажных отсеков, дети болтались под ногами родителей и ныли, в проходе образовался затор. Кресла были объединены в блоки по три штуки и представляли собой два ряда, разделенных проходом. Путем нехитрых вычислений Гейл пришел к выводу, что если билеты брались подряд, то из десяти человек кто-то окажется рядом с Лаудером, и мысленно взмолился, чтобы это был не он: даже у его невезучести должен быть предел.

Тед уже плюхнулся в кресло рядом с Грегори и Джонсоном, и Гейл подсчитал усевшихся. Вайз, Мартинес, Стюарт — первая тройка кресел. Грегори, Тейлор, Джонсон — вторая. Последний шанс…

Такэда нырнул в следующий проход, рядом с ним опустился Девилер и Гейл посмотрел на номер последнего пустого кресла. Ну конечно, как же могло быть иначе? И теперь хрен с ним кто-нибудь поменяется. Креббер посмотрел на выражение его лица и сочувственно хлопнул по плечу, на всякий случай быстро пристегиваясь.

— Я оценил, — буркнул Гейл. — Спасибо за поддержку.

— Может, он заснет, — неуверенно предположил Креббер. — Лететь долго, почти восемь часов. Ты почитай какой-нибудь

учебник, ему понравится, и он не будет тебя доставать.

Гейлу захотелось дать ему в нос за этот совет — восемь часов читать может только сам Креббер, к тому же в паде из учебных пособий была только мумбайская камасутра, но смотреть ее он не рискнет, даже если Лаудер будет выглядеть спящим. Дама с собачкой пробралась к своему креслу, по пути старательно пихнув Гейла. Тот сел и пристегнулся — в плотных слоях атмосферы наверняка будет болтанка не слабее, чем на «Голиафе». Чертов Вайз и его жадность до бесплатных фишек в казино.

Лаудер молча занял кресло у прохода, даже не взглянув в сторону Гейла. Дама же, напротив, оживилась и нагнулась к коленям, чтобы рассмотреть импозантного попутчика.

— Ужасно жарко, — зачем-то громко сказала она. — Бедная Мими просто измучилась от этой духоты. Я просила проводницу прибавить мощности в кондиционере, но эта нахалка сказала, что в салоне температура комфорта. Не понимаю, как так можно относиться к пассажирам.

Гейл покосился на Лаудера, но тот сделал вид, что не понял, кому адресована тирада. Дама вернулась в вертикальное положение, достала пудреницу и быстрыми движениями поправила макияж. Похоже, она всерьез рассчитывала на мужское внимание Лаудера, и Гейл оживился. Это существенно скрасило бы дорогу до Аайи, и было бы о чем рассказать в казарме, но соседка почему-то решила выждать с новой атакой.

— Леди и джентльмены, приветствуем вас на борту нашего лайнера, — пробасил динамик. — Пожалуйста, пристегните ремни и следуйте указаниям наших сотрудников.

Пока проводники оглашали стандартный набор рекомендаций по правилам полета, Гейл взял полистать журнал. Прошлогодний номер, посвящен курортам, тоска зеленая: ни одного модного показа с длинноногими моделями, ни одного разворота с актрисами. Нашлась только статья про минеральные гейзеры Карассы — это было лучше, чем ничего.

На иллюминатор опустились защитные заслонки, вспомогательный двигатель пустился в прогрев, и пол начал подрагивать. Вибрация не досаждала, каждое кресло снабжалось дополнительной амортизацией, а гейзеры Карассы в чем-то даже увлекли Гейла (в некоторых из них голышом возлежали красотки). Кресла плавно опустились в предстартовое положение, из изголовий выдвинулись мягкие фиксаторы с наушниками, в которых играла музыка.

— Вам удобно?

Над ними, профессионально улыбаясь, наклонилась

миловидная брюнетка. У Гейла перехватило дух от видов, открывающихся левее жетончика с надписью «Джия, бортпроводник» — пуговки на форменной блузке были расстегнуты ровно настолько, чтоб избежать обвинений в непристойности. В другое время Гейл не замедлил бы отпустить комплимент в расчете на восьмичасовой флирт, но в присутствии Лаудера весь пыл мгновенно угас.

— Мадам, могу ли я предложить на время полета переносной бокс для вашего питомца?

— Мими не питомец, а член семьи, — взвизгнула пассажирка, прижимая собачку к себе. — Лучше рассадите по боксам тех крикливых младенцев, от них гораздо больше хлопот. — И, чуть подумав, добавила кокетливо: — Не мадам, а мадемуазель.

Гейл обменялся со стюардессой сочувственными взглядами, а когда та ушла, снова развернул журнал и поднял его над головой. Из журнала вывалилась забытая кем-то желтая бумажная закладка в виде не то спрута, не то ктулху со звездочками меж щупалец. У ктулху был улыбающийся рот и один-единственный глаз, который смотрел проникновенно и страстно. «Расшириться и сжаться», гласила подпись под изображением. Гейл перевернул бумажку — на обороте была написана от руки пара строк: «Infanoj, venu al niaj koroj!» и «Kio estas tre natura».

Загадочные фразы заинтересовали его настолько, что он забыл о гейзерах и стюардессах. Первым желанием было достать пад и выяснить язык надписей, но Гейл почти не сомневался, что Лаудер отберет у него устройство на все время поездки за нарушение бортовых правил. Рисковать не хотелось, он убрал руку от кармана и снова перечитал странные слова, в которых угадывались знакомые корни, да и структурно фразы были вполне романскими. Допустим, последнее слово почти наверняка означает природу, а первое похоже на «infante», то есть наследник или ребенок, но каков смысл остальной тарабарщины? Шесть обязательных к изучению языков Гейл худо-бедно понимал без словаря, но на этом его способности полиглота заканчивались. Тедди бы помог, выводящим вся эта белибердистика вообще легко дается, но до Теда было два ряда. Гейл осторожно посмотрел на Лаудера, прикидывая шансы получить консультацию (среди курсантов ходили легенды о его лингвистическом арсенале), но Лаудер лежал в кресле с закрытыми глазами и к общению расположен не был.

Гейл снова перечитал закладку. «Дети… Природа…» Что-то о защите природы? Какой-то фонд помощи промышленным планетам в сохранении аутентичной флоры? Что за мутант с одним глазом тогда на лицевой стороне? Может, фонд защищает

«детей природы», а ктулху — редкая фауна? А еще девиз «Расшириться и сжаться». Может это реклама санатория для естественных родов? Не в силах больше мучиться, Гейл тихо отстегнулся от кресла, перевернулся на живот и дотянулся до штанины Такэды. Тот поднял голову с кресла.

— Эй, Намадзу, можешь перевести? — спросил Гейл, протягивая ему закладку.

Кресло под его весом неожиданно нырнуло вперед, и он оказался головой на полу. Тут же затрезвонила система оповещения о нарушении предстартового режима. Глаза Такэды исполнились ужаса. Кресло дернулось назад, и, прежде чем Гейл успел опомниться, ремни из подлокотников (он и не знал, что такие здесь есть) выстрелили и притянули его к сиденью накрепко, точно пациента психбольницы.

— Еще движение, Эндрюс, и я позабочусь, чтобы вы провели в таком положении весь полет, — угрожающе пообещал Лаудер.

— Я только хотел узнать, что за язык, сэр, — Гейл затих, уткнувшись носом с обивку кресла, мысленно скрестив пальцы на удачу.

Лаудер взял закладку, пробежал ее глазами и небрежно бросил Гейлу назад.

— Эсперанто, — коротко сказал он. — Еще вопросы или дадите кораблю взлететь?

Гейл и Такэда переглянулись и промолчали. Про эсперанто Гейл знал только то, что это язык искусственный, и никто на нем не говорит. Но, возможно, закладка принадлежала какому-то поклоннику мертвых языков. Есть же клубы любителей программировать на фортране или рисовать акварелью, почему бы не быть клубу эсперантистов? Такие всегда заказывают сувенирную продукцию для своих, вроде календарей или закладок. Отчим тоже состоял в клубе любителей рыбалки, членам клуба лицензии на отлов давали со скидкой. Правда, от рыбы польза есть, она съедобная.

Пока он раздумывал над людскими странностями, лайнер перестал трястись, из динамиков прозвучало разрешение отстегнуть ремни и пользоваться техникой. До прыжка был целый час. Гейл из вежливости немного подождал, но Лаудер надел наушники и погрузился в просмотр фильма на холовизоре, совершенно не интересуясь судьбой воспитанника. Проводники покатили гравитележки с платными закусками, и Гейл решил, что изображать агнца на жертвенном камне бессмысленно. Руками до кнопки было не достать, поэтому он на пару секунд встроился в систему кресла, втайне надеясь, что Лаудер не заметит его выходки. Ремни отскочили.

— Как вы это сделали? — округлив глаза, спросила соседка. — Вы же не касались панели, я видела!

— Помолился, — буркнул Гейл.

Глава 2. Изначальная галактика

Джия остановила возле них раздачу и призывно улыбнулась.

— Чай, кофе? Шампанское, виски, коньяк? Сэндвичи, салаты?

Гейл сглотнул слюну. На его личной карте были только жалкие остатки стипендии, весь их выигрыш был у Теда. Интересно, помнит ли об этом Тейлор? Он привстал на сиденье, чтобы убедиться в этом, но под тяжелым взглядом Лаудера сполз обратно — угроза оставалась в силе.

— Мне воды, — сказал он проводнице, протягивая карту.

Надо было как-то дождаться бесплатного обеда. Он машинально глотнул содержимое бутылки — вода была холодной и нисколько не калорийной, желудок настоятельно требовал чего-нибудь существеннее. Гейл посмотрел в щель на Такэду, потом на Креббера — те жевали огромные хот-доги.

— Краб, поделись.

Вторая рука Креббера была занята стаканом с кофе, и он просто вложил Гейлу в ладонь хвост своей булки и потянул на себя. Гейл последовал его примеру, тесто разорвалось, кусок сосиски, словно снаряд, влетел в спинку переднего кресла и свалился на пол. Мими радостно схватила колбасу — породистому псу нечасто перепадала такая экзотика. Гейл попытался отобрать добычу, собака ответила ему заливистым лаем.

— Эндрюс, вы способны занять себя чем-нибудь полчаса, не мешая окружающим? — повысил голос Лаудер.

— Да, сэр.

— Потрудитесь это сделать.

— А можно выйти?

— Сидеть.

Гейл плюхнулся на место, чувствуя, как из легких вышибло весь воздух. Мими тоже резко заткнулась и, поскуливая, присела на задние лапы. Лаудер вернулся к просмотру фильма, не обращая внимания на выражение лица хозяйки животного. Неожиданно динамик снова подал признаки жизни.

— Saluton, леди и джентльмены, — сказал чей-то громкий голос, — Прошу минуту внимания. По некоторым обстоятельствам наш корабль меняет курс, просьба оставаться на своих местах и не поднимать панику. Следующая остановка — Новая Виктория.

В проходе салона со звоном разбилось что-то стеклянное — это Джия уронила бокал на свою гравитележку, и по растерянному лицу стюардессы было ясно, что штраф за битую

посуду волнует ее сейчас меньше всего. Лаудер снял наушники и выключил холовизор. В щель между креслами просунулась рука Креббера и дернула Гейла за рукав.

— Учения?

— Больше похоже на угон.

— Опять? Скажи, что ты шутишь. Мне «индейца Джо» на астероиде хватило.

Гейл пожал плечами. Меньше всего ему хотелось повторения той истории.

— Мы не террористы и не похитители, — словно услышав их, сказал динамик, — Как только доберемся до пункта назначения, все желающие смогут покинуть судно. Хотя, не скрою, мы надеемся за время путешествия убедить кого-то из вас присоединиться к нашему движению «Изначальная Галактика». Мы много лет пытались получить признание в пространстве Объединенной Урсулы, но удостоилось только полной дискредитации идеологии в глазах общественности, несмотря на немалое количество сторонников. Произволом генерала Шепарда «Изначальная Галактика» причислена к списку тоталитарных сект, и сейчас мы вынуждены прибегнуть к силовым методам, чтобы нас услышали. Позволю себе вкратце ознакомить присутствующих с нашей доктриной. Людям не место в космосе, их дом — Земля, и мы выступаем за возврат к исконным ценностям человеческой расы. Освоение космоса принесло людям только новые проблемы, новые болезни и новые пороки. Неограниченная численность и бесконтрольное размножение сделало человечество опасным вирусом, убивающим все планеты, до которых оно способно дотянуться, и дальнейшая экспансия в космос приведет вселенную на грань катастрофы. Мы выступаем за свободный космос без людей, мы — за человечество в пределах отведенной им планеты.

— Чушь какая-то, — шепнул Гейл Кребберу. — Земля не вместит всех репатриантов, остальных что, убить?

— Фанатики, — заметил Такэда. — Космос им важнее людей.

— В отличие от Объединенной Урсулы, — продолжал вещать динамик, — где экономика и наука обслуживают военный сектор, а у власти стоит хунта во главе с генералом Шепардом, Новая Виктория является оплотом демократии и свободы вероисповедания. Викторианцы сегодня готовы прислушаться к нашим идеям и предоставить движению политическое убежище прямо сейчас. Вот почему мы решились на крайние меры.

В проходе показались трое мужчин, они медленно и внимательно осматривали пассажиров, останавливаясь у каждого ряда кресел, словно кого-то искали. В последних рядах заплакал

ребенок.

— Только разумный подход к освоению космического пространства и контроль численности населения помогут вернуть нам золотые времена человечества, подарившие миру художников, поэтов, музыкантов, подобных Рембрандту, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Чайковскому, Шопену. Нерушимая связь с родной планетой…

Террористы приближались, Лаудер продолжал молчать. Первый из тройки остановился возле их ряда, посмотрел на даму с собачкой, скользнул взглядом по гейловым вихрам и задержался на Лаудере, после чего достал из кармана пад и взглянул на экран, потом снова перевел глаза на Лаудера.

— Вставай, — приказал террорист.

В этот момент крышка багажного отделения отскочила, и механическая рука-погрузчик припечатала бритый затылок. Голова террориста мотнулась, звучно стукнулась о спинку кресла, и он рухнул на пол. Пад упал к ногам Лаудера, кто-то в рядах запоздало ойкнул. Подельники неудачника остолбенели, но в следующую секунду уже бросились на помощь. Механические руки, вынырнувшие следом из других багажных отсеков, перехватили их и подвесили в воздухе, растянув как медуз. Те погрузчики, которым не досталось добычи, многозначительно клацали захватами в воздухе. Какая-то девушка взвизгнула и спряталась за своего соседа. Гейл выглянул из-за плеча Лаудера — тот нащупывал пульс у неподвижного мужчины на ковре.

— Я его не слишком, сэр? Он жив?

Лаудер взглянул на него и одним движением свернул лежавшему шею.

— Уже нет.

Подвешенные замерли, Гейл судорожно сглотнул, другие курсанты непроизвольно приподнялись на своих местах, глядя на тело на ковре. Всеобщее молчание нарушало только вещание по громкой связи:

— Мирное сосуществование людей всех рас и национальностей, всех религий и воззрений может быть гарантировано только демократическим строем…

Лаудер посмотрел на динамик, и тот подавился звуком. Одновременно с ним погасли глаза датчиков над креслами, переборки отсека сошлись, и в салоне воцарилось беззвучие. Соседка Гейла прижала к себе собаку и истово перекрестилась.

Глава 3. Полифем

Гейл бросил взгляд на Креббера — контроль над почти дюжиной манипуляторов давался тому с заметным усилием, зато пленники были надежно обездвижены. Гейл помог ему зафиксировать автоматику в этом положении, и Краб облегченно выдохнул.

Неожиданно зазвонил чужой пад на полу. Звонок надрывался неистовой трелью, и Гейл до хруста вытянул шею, когда телефон оказался у Лаудера в руке. Такэда и Девилер тоже беззвучно нависли над спинками кресел. На экране светилось странное слово «Полифем». Лаудер немного подождал и принял звонок, переведя пад в режим громкой связи.

— Привет, Улисс, — сказал чей-то голос в звенящей тишине салона. — Мои люди живы? Или уже нет?

В манере произносить слова у незнакомца было что-то тягучее и неприятное, не вязавшееся с заботой о людях.

— Хороший вопрос, — ответил Лаудер. — Почему ты прислал их безоружными?

— За тебя боялся, — засмеялся голос. — Ты у нас гость дорогой, а они идиоты, таким оружие только дай — начнут стрелять. Впрочем, они тоже бывают полезны. Выходи, поговорим.

— Я не расположен к разговорам с террористами.

— Как насчет фосгена в системе воздухообмена?

Вентиляционные отверстия мгновенно выбросили в салон аромат знойного летнего сеновала в жаркий полдень, но в ту же секунду, заглушки закрылись, а под полом взревела автономная система очистки воздуха. Запах мгновенно исчез.

— Не аргумент, как видишь, — заметил Лаудер.

На том конце связи кто-то отчетливо хихикнул.

— Блефуешь. Не пройдет и часу, как вы все свалитесь от удушья. Мне остается только немного подождать, и забрать тебя еле тепленьким. Но, возможно, ты не станешь доводить дело до крайности, mia infano?

— У тебя есть сорок минут до прыжка, чтобы освободить экипаж и разоружить своих фанатиков.

— Мне не нравится слово «фанатики», — протестующе шепнул пад. — «Изначальная Галактика» вполне цивилизованное движение, единственная вина которого в том, что оно не одобряет политику Шепарда. Любой власти нужны такие структуры, чтобы было на ком демонстрировать толерантность, и она их терпела, пока реальное количество противников шепардовской экспансии не начало зашкаливать. Тут уже стало не до толерантности, да?

Шила в мешке не утаишь.

— Финансовые потоки тоже не спрячешь, — Лаудер посмотрел на часы. — Если только главный бухгалтер не сбежит вместе с архивом в тайную эмиграцию, прикрывая своих заграничных спонсоров.

— Такие обвинения нужно еще доказать, — голос засмеялся, словно закашлялся. — Через полчаса я получу статус политического беженца в Новой Виктории, а туда Шепард не дотянется, можешь мне поверить. И кстати, о фанатиках: твое имя существенно дополнит список наших заслуг и украсит новостные столбцы викторианских газет. Лично я могу навскидку назвать не менее пяти человек в Новой Виктории, которые тебя встретят с распростертыми объятьями. Ты веришь в судьбу?

— Что ты собираешься делать с гражданскими на борту? — Лаудер демонстративно проигнорировал его вопрос.

— Еще не решил, — пад издал неопределенный звук. — Несколько десятков беженцев были бы неплохим доказательством кровавого режима Шепарда, как считаешь?

— Ты финансист, считай сам. На твоем месте я позвонил бы своему адвокату прямо сейчас.

— У тебя не будет возможности быть на моем месте, — с легким сожалением ответил голос. — И никаких сорока минут, если ты на них рассчитывал, тоже нет. Двигатель переходит в скачковый режим через семь минут.

Пад погас, в наступившем молчании в задних рядах кто-то всхлипнул. Лаудер поднялся.

— Пристегнуться всем, — громко приказал он. — Такэда, Девилер — освободить проходы. Джонсон, Стюарт — проверить готовность гражданских к старту. Тейлор — в дрифт с Эндрюсом.

Люди быстро и лихорадочно начали возвращаться на свои места, опуская кресла. Такэда с Девилером погнали тележки в конец салона, столкнулись в середине прохода с Джонсоном, и тот глазами указал на тело на полу.

— Надо его куда-то пристроить, — сказал он. — Глаза мозолит. При прыжке начнет мотаться, а тут дети…

Девилер подхватил труп, недолго думая запихал его в отсек для грязной посуды и откатил гравитележку в полупустой салон первого класса.

— Сэр, — обратился к Лаудеру Стюарт. — Все пристегнуты, кроме этих, — он кивком указал вверх — висевшие под потолком сообщники следили за ним глазами, полными ужаса, но звуков не издавали. — И вас, — закончил фразу Стюарт.

— Сел на место.

Однако Стюарт остался стоять перед Лаудером, побледнев

так, что проявился шрам от оперированной заячьей губы.

— Сэр, — упрямо повторил он.

Лаудер взял его за плечо и бросил в кресло рядом с Вайзом.

Сила тяжести нарастала, дрожь корпуса перекрывала любые звуки. Соседка Гейла громко и нараспев начала читать молитву, прижимая к себе Мими.

— Господь пастырь мой, — перекрикивала она изо всех сил шум в салоне, — я ни в чем не буду нуждаться…

Краем глаза она с удивлением отметила появление нового соседа – Тед втиснулся в одно кресло с Гейлом, не обратив внимания на ее подозрительный взгляд, и пристегнул одним ремнем двоих.

— Погнали, — коротко сказал он.

Корабль дал приличный крен на левый борт, Гейл уронил голову на плечо приятеля, а грязные ботинки, к возмущению дамы, безвольно проехались по ее подолу. Пока корабль продолжал закручиваться вокруг своей оси, вдавливая пассажиров в ремни безопасности, Тед быстро развернул в паде карту.

— Оверкиль, — крикнул он. — Стабилизируйся по горизонтали. Новые координаты…

Сила тяжести продолжала увеличиваться, перепонки в ушах заложило, и вдруг на секунду предметы потеряли вес, который быстро вернулся удвоенным. В проходы посыпались стаканчики, оставленные в подставках кресел, их унесло вперед и неожиданно бросило обратно. Они раскатились по полу с сухим пластиковым звуком, и это было единственным, что нарушало тишину.

Двигатель молчал.

Кто-то из пассажиров попробовал поднять заслонку на иллюминаторе вверх, но электроника не работала, как он ни давил кнопки на панели. В лишенном обзора салоне горело аварийное освещение, и оставалось только догадываться, где находится корабль, совершивший прыжок.

— Все? — громко спросил детский голос. — Уже все? Приехали?

— Приехали, приехали, — быстро и торопливо ответила мать, прижимая его голову к себе. — Скоро дома будем.

Соседка Гейла отпустила собаку, и та немедленно забралась на кресло Гейла, обнюхивая его руку, и даже лизнула его в запястье. Гейл отпихнул ее в сторону, нашел свою бутылку с водой и жадно выхлебал половину, протянув оставшуюся часть Теду. Тот отрицательно качнул головой, и Гейл прикончил бутылку самостоятельно.

Пад снова прозвонил, громко, требовательно, почти

истерично. Он звонил несколько секунд и вдруг самопроизвольно перешел в режим приема.

— Сука, — сказал в тишине вздрагивающий от ненависти голос. — Как ты это сделал?

— Ты веришь в судьбу? — задумчиво спросил Лаудер.

— Ты отсюда не выйдешь.

— Ты тоже сюда не войдешь.

— Взрывчатка универсальный ключ, открывающий любые двери. Пожалей людей, их смерть будет на твоей совести. Даю тебе минуту.

С этими словами экран погас.

Глава 4. Суперпозиция

Вайз поднялся с места и дернул из креплений рейлинг багажной полки, другого оружия тут не было. Креббер и Мартинес тоже встали. Лаудер обернулся в их сторону.

— Никто не покидает салон, — железным голосом сказал он. — Каждый, кто сунется за дверь, может считать себя отчисленным. В отсек до моего возвращения никого не впускать, энергию аварийного генератора не расходовать. Сидеть тихо. За гражданских отвечаете головой. Задача ясна?

Он обвел взглядом курсантов.

— Да, сэр, — помедлив, ответил за всех Вайз.

Лаудер забрал у него из рук рейлинг. Вайз открыл было рот, но палка неожиданно коротко и страшно свистнула, описав в воздухе круг. Вайз захлопнул рот и моргнул. Лаудер прошел к двери, створка съехала в сторону, показав непроглядный мрак обесточенного корабля, и черная футболка растворилась в темноте раньше, чем закрылась дверь. Тишина в салоне на несколько секунд стала плотной и напряженной, все ждали звука, но за дверью было тихо, либо изоляция салона была слишком хорошей.

— Слышь, Котяра, а он вернется? — тихо спросил Мартинес, но его услышали все.

— Не знаю, — хмуро ответил Вайз.

— У Лаудера преимущество, — подал голос Тед. — Они его в темноте не увидят.

— Он их тоже.

Тейлор и Такэда одновременно нервно засмеялись, вызвав недоуменные взгляды остальных.

— У него абсолютный слух, — объяснил Тед.

— При чем тут это? — огрызнулся Вайз. — Ему там не на пианино играть.

— Абсолютный дрифтерский слух, — торопливо поправил друга Такэда. — Ему не надо видеть людей, чтобы знать, где они.

— И как думаешь, ему это поможет? Их там хрен знает сколько сидит, а он один.

Прежде чем Вайз успел продолжить, мужчина с ближайшего кресла приподнялся и осторожно дотронулся до его рукава, словно рост Вайза автоматически давал ему статус командира.

— Извините, сэр, — сказал он. — Можно мне стакан воды? Я эпилептик.

В доказательство своих слов он показал таблетки в ладони. Губы Вайза как-то странно дрогнули, он пихнул локтем Стюарта.

— Выдра, организуй питание гражданским, — охрипшим голосом распорядился он. — И ты, Кальмар, включайся. Кто болен или у кого дети — пусть поднимут руки, их накормить в первую очередь.

В другое время Стюарт и Мартинес возмутились бы, но сейчас послушно побежали в конец салона, где Джия и другие стюардессы с готовностью нагрузили их продуктовыми пакетами.

— Медицинская помощь нужна кому-нибудь? — Грегори медленно двинулся вдоль рядов, внимательно оглядывая пассажиров и слушая их жалобы. — Пострадавшие есть?

Джонсон с Девилером встали на раздачу воды, передавая людям по рядам пластмассовые стаканчики из стенного накопителя с краном. Вайз сел в кресло рядом с Гейлом, уперся кулаками в виски.

— Что будем делать? — спросил он.

— Корабль обесточен, — шепотом ответил Гейл. — Мощности резервного генератора не хватит активировать весь контур. Только выборочно.

Соседка Гейла напряженно прислушивалась, но очевидно не понимала ни слова и тревожно переводила взгляд с одного лица на другое.

— Что предлагаешь?

— Ты блокирнул воздушку? Там мог остаться фосген. Я попробую найти ублюдка по цепи видеодатчиков, а ты подгонишь туда газ и сцедишь его в помещение.

— А если там Лаудер? — подозрительно спросил Вайз.

— Нужно, чтобы кто-то третий одновременно с тобой подал кислород на него. Краб?

Креббер покачал головой.

— Гнать кисляк под давлением из трюма — пятьдесят на пятьдесят шансы, генератор слабый. Если только салон обесточить.

— Нельзя этого делать, — неожиданно сказал Такэда. — А если кому-то реанимация понадобится или температурный режим сбой даст? Мы даже не увидим, не то, что сможем помочь.

Гейл рыкнул от досады.

— Ладно. Работаем без тебя. Мартинес, бросай стаканы, иди сюда, страховать будешь. Принцесса, дай нам с Кальмаром настройку.

Неожиданно Тед тоже мотнул головой.

— Такэда прав. Лаудер не просто так сказал про людей. У них приоритет.

— Ты что мелешь? Какие приоритеты? Он человеку башку свернул и даже не поморщился.

— Трупу, — почти беззвучно сказал Тед. — Тот парень на полу… звука дыхания не было. Но свидетели покажут не на тебя, а на Лаудера.

— Тем более, — заорал Гейл, забыв о соседке, которая вздрогнула. — Я не буду сидеть в безопасности, пока он там…

— Был приказ, — Тед зажмурился и снова открыл глаза. — Это не учения, Гейл, здесь живые люди. Мы отвечаем за их безопасность.

Гейл скрипнул зубами и выдохнул.

— Вайз, вытянешь двоих? — ровным тоном спросил он.

— Можно попробовать, — не слишком уверенно ответил тот. — Я позову Выдру.

Такэда быстро посмотрел на Тейлора.

— Никто не войдет в дрифт, — Тед вскинул голову. — Выведу любого, кто попробует подключить внешнюю цепь к генератору.

— Тед? — Гейл вдруг понял, что за все время учебы он ни разу не видел такого Тейлора, натянутого, как струна на его гитаре, только тронь — сорвется.

— Я сказал — любого, — он плотно сжал губы, глядя мимо Гейла.

Такэда встал ближе к Теду, забытая всеми Мими громко тявкнула. Потом еще раз, и яростно залаяла, припадая на лапы и тычась носом в пол. Снизу раздался громкий глухой звук.

— Что это было? — насторожился Вайз.

Звук повторился.

— Ты куда джамп направил? — спросил Креббер у Гейла.

— Пограничный сектор, — растерянно ответил тот. — Тут на сотни лет вокруг никого не должно быть.

— Уверен?

— Уверен, — Гейл скользнул на пол и приложил ухо к полу. — Под салоном только грузовой отсек, набитый барахлом и вакуумом.

— А звук откуда? — разозлился Креббер. — В вакууме нет звука. Или…

Он посмотрел на Вайза, тот побледнел так, что его черная кожа стала серой.

— Разгерметизация? Удара не было.

— Если только Полифем не открыл шлюзы вручную, — сказал Такэда. — У него есть взрывчатка, мог заложить ее под салоном, если решил сматываться. Спасботы автономны.

Он не договорил, причины такого действия были и так очевидны, как и судьба Лаудера. Курсанты тревожно переглянулись.

— Как далеко грузовой шлюз идет под нами?

— Через весь салон первого класса, — Гейл поднялся, указал рукой на аварийную дверь. — Где-то до уровня переборки. Чтобы прикрепить взрывчатку дальше, нужно в открытый космос выйти.

— Пассажиров надо загнать в хвостовую часть, — сказал Вайз. — Переборку грохнем вниз, она хоть маленькая, да защита. Не боеголовку же он с собой таскает, сволочь. И задраиваем этот кусок отсека наглухо с двух сторон. Если Лаудер жив, это его тоже защитит, а если мертв, нам всем…

Он употребил учебный непечатный вульгаризм, обозначающий скорый и неминуемый конец.

— Делаем, — кивнул Креббер. — Кто опустит переборку?

— Мы с Гейлом, — вдруг сказал Тед. — Уводите людей.

Механизм спуска переборки входил в аварийную цепь, но Гейл мог поклясться, что за все время существования корабля им ни разу не пользовались, поэтому даже не удивился, что электроника не сработала. Тед вывел его из дрифта без лишних слов. Вайз утрамбовывал пассажиров в дальней части салона, и люди уже не спрашивали ничего, даже дети не ныли, хотя сидеть приходилось в тесноте и на полу.

— Надо лезть, — сказал Гейл, задрав голову вверх. — В схеме есть дублирующий механизм, на ручном управлении, механика, но тоже высоко, сволочь.

В нормальной обстановке эту задачу за пару секунд выполнил бы любой дроид, но дроиды валялись обесточенными где-то в ста миллионах световых лет от них. Он выдернул из стенного хранилища магнитные пластины и натянул их себе на ноги и на руки.

— Гейл, ты когда-нибудь занимался альпинизмом?

— Какая, нахрен, разница? — не понял Гейл.

— В весе, — Тед снял с него крепеж. — Я легче.

Гейл пожал плечами — ну легче, значит, полезай. Спорить было некогда, среди пассажиров уже начала подниматься волна паники. Гейл различил голос своей соседки:

— Мими? Где ты?

— Мадам, прошу вас, оставайтесь в кресле, — увещевала ее Джия.

Тед поднялся на пару метров и почему-то остановился.

— Быстрее, Принцесса, — раздраженно прикрикнул Гейл. — Шевелись!

Но Тед делал все ужасно медленно. И хотя звук под полом больше не повторялся, не исключено, что отсчет времени до взрыва уже пошел. А пассажиры тем временем шумели всё тревожней.

— Быстрее, — умоляюще повторил Гейл, и в ту же секунду до него дошло: Тед просто-напросто боится высоты. — Не смотри вниз! Не смотри на меня! Смотри вверх!

Ботинок наткнулся на что-то мягкое, и тут же раздался истошный собачий визг — сбежавшая Мими метнулась под кресло.

— Мими, девочка моя!

Пассажирка рванулась к питомице, Креббер и Вайз ее еле удержали. Гейл нырнул под кресло и посвистел, подзывая собачку, но та забилась в самый угол, пришлось ухватить ее за лапу и потянуть к себе, чтобы взять на руки.

В этот момент Тед дотянулся до защелки, съехал по стене вниз, зажмурился и поднялся снова. Его рука ощупью коснулась коробки, переборка полетела вниз и упала прямо перед носом у Гейла: сделав шаг к Мими, он пересек линию раздела салона и сам этого не заметил.

Тед, который по его совету не смотрел вниз, был ни в чем не виноват.

Глава 5. Невидимый фронт

«Везунчик Эндрюс»…

Переборка стояла перед ним как факт, как неуд по экзамену, который лучше бы никогда не видеть. Голос Теда он теперь не слышал, но хорошо представлял, как Принцесса истерит на той стороне. Поднять стенку можно только при полностью активном контуре, для этого надо запустить корабельный движок, который он сам обесточил.

Ну почему ему так не везет всю жизнь?

Мими успокоилась и лизнула его в подбородок.

— Бедолага, — искренне сказал Гейл. — Ты тоже Головастик среди своих?

Собака негромко тявкнула. Гейл погладил ее по голове — может быть, это последняя ласка, которую она в своей собачьей жизни видит, ему не жалко. В конце концов, в идиотской ситуации виноват только он сам. Он сел на пустое кресло, посадил Мими рядом и одобрительно посмотрел на гаснущую осветительную шину — Вайз не дурак, отрубил эту часть отсека от энергоснабжения без всяких сантиментов. Уровень кислорода упал, Гейл сунулся в ящик под сиденьем, где по правилам хранились кислородные маски, предназначенные для внештатных ситуаций в салоне, натянул одну на себя. Мими ткнулась ему в руку холодным носом, и Гейл потратил секунду, чтобы нацепить маску и на нее. Жизни ей это не прибавит, но вдруг она не такая невезучая, как он? Ксенон в шине продолжал светиться остаточным явлением, в этом свете собака в намордник была похожа на пришельца.

Сколько теоретически времени нужно, чтобы установить взрывчатку и безболезненно смыться? Скажем, пять минут на установку таймера, десять на выход из отсека, еще столько же, чтобы подняться наверх и залезть в спасбот, плюс время на то, чтобы бот отчалил на безопасное расстояние, оно зависит от индивидуальной мнительности. Но куда можно податься на спасботе, если кругом безлюдный космос, а джампа на боте нет?

Он силой вернул себя к мысли, что максимум через пятнадцать минут будет покойником, как тот террорист, чьи ноги торчали из припаркованной между креслами гравитележки. Думать о Полифеме сейчас было как-то глупо. О чем люди думают перед смертью? О душе? О грехах? О близких родственниках?

В наличие души Гейл не то чтобы не верил, но как-то никогда не задумывался об этом. Грехи… А что считается грехом? И что

толку о них думать? Мама? Вместо этого у него перед глазами встало лицо Теда, который впервые в жизни не поддержал Гейла, и это больно царапнуло. А вот о чем думал бы, например, Лаудер?

Гейл попытался представить себе Лаудера, размышляющего о своих грехах, и фыркнул в маску — это были две вещи несовместные. Скорее всего, Лаудер был спокоен и уверен в том, что умирает не напрасно. Он ведь спас людей тем, что пошел один к этому Полифему (надо будет потом выяснить, что это за идиотское имя, хотя, когда потом, никакого потом не будет, есть только сейчас), пусть и не знал, что всего на несколько часов продлил им жизнь. Зато он был уверен, что дал людям шанс, и ему не было страшно. И Тед был абсолютно прав, когда настаивал на исполнении приказа, без этого жертва бессмысленна. Нет ничего хуже, чем умирать, зная, что все напрасно. Он, Гейл, не хотел бы, чтоб их идея с переборкой была бесполезной и никому не помогла.

В этот момент в задраенный люк выхода что-то ударило, Гейл почувствовал этот удар даже лопатками. Мими заворчала, Гейл замер — для метеорита слишком слабо и прицельно, а людям откуда тут взяться?

Удар в дверь повторился, и до него дошло — кто-то пытается вскрыть ее с той стороны, взрывая магнитные замки точечными зарядами. У Полифема нашлись сообщники в этом секторе? Или именно тут его и ждали, и он, Гейл, просто ему «вмастил»? Это даже для его невезения слишком. Скорее всего, тот как-то ухитрился передать свои координаты викторианцам, и они прыгнули сюда за ним. Нарушение границы на скачковом движке засекается не сразу, так что у них есть время разделаться тут со всеми оставшимися в живых. Инсценировать какое-нибудь ритуальное самоубийство во славу «Изначальной Галактики» или сунуть каждому в карман компромат, что может быть легче при условии, что кругом трупы?

Гейл поднялся. Врукопашную, конечно, он с абордажниками не справится, но если с той стороны стыковочный модуль, то там кислородная среда. Это значит что?

«Ксеноновая анестезия производится смесью кислорода с ксеноном, — насмешливо сказал Лаудер в его голове. — Необходимая концентрация ксенона в смеси — семьдесят процентов, кислорода — двадцать. Эндрюс, перестаньте смотреть в потолок с убеждением, что ксенон это исключительно лампочка в казарме».

Гейл прикинул кубатуру помещения, достал из подлокотника кресла еще одну маску, забрался на сиденье и ударил по шине с

освещением. Стекло легко треснуло, от перепада давления осколки брызнули во все стороны. Газа он не видел, но представлял примерно его концентрацию в воздухе, отсек был совсем небольшим. Выполнить приказ «в салон никого не впускать» — последнее, что он может сделать.

Для себя, для Теда и в память Лаудера.

Он видел, как в приоткрывшуюся дверь проник свет фонариков, и она отошла в сторону, впуская в отсек группу людей. Масок на них не было, и Гейла это несказанно порадовало.

Невидимый ксенон вместе со своим собратом кислородом уложил первого вдохнувшего воздух абордажника прямо на ступенях. Остальные успели сделать по несколько шагов внутрь, и, судя по тому, какую скульптурную группу они составили на полу, каждый получил немаленькую дозу наркоза. Ноги мертвого террориста торчали в проходе, мертвецу было все равно.

Гейл подождал еще пару минут: люди лежали вповалку там, где их настиг боец невидимого фронта, а больше никто войти не пытался. Гейл подполз и перевернул одного из абордажников — может быть, у него есть при себе какое-нибудь оружие? Форма не имела никаких знаков различия, кроме эмблемы на рукаве.

Белая медведица в красном круге. Урсула.

В этот момент в помещение ворвались четверо бронированных автоматчиков, которые немедленно взяли его на прицел — двое с колен, двое — стоя. Гейл поднялся и лицом к лицу оказался с Лаудером. Зрачки Лаудера расширились при взгляде на сцену газового побоища, и Гейл не придумал ничего лучше, чем содрать маску и глубоко вдохнуть. Однако концентрация ксенона в воздухе упала, и милосердное беспамятство Головастику не светило.

Глава 6. Последний вопрос

Следом за Лаудером появились еще двое военных, и их лица тоже не предвещали ничего хорошего для Гейла. Первый повернул к Лаудеру бородатую физиономию.

— Откуда этот терминатор? — возмущенно спросил он. — Ты же говорил о гражданских и детях!

— Не ори, — неожиданно вступился за Гейла второй, бритый и худой как палка. — Он предупреждал. В темноте не видно ни хрена. А твоим наука будет.

Гейл посмотрел на него почти с благодарностью. Человек скользнул быстрыми и живыми глазами по разбитой потолочной шине, по маске на Мими, и сделал автоматчикам знак, те опустили оружие и вышли. Корабль неожиданно осветился, загудела вентиляция — из рубки запустили двигатель, перегородка отсека поползла вверх, напомнив театр, в котором Гейл играл однажды — сцена, занавес, зрительный зал… Вот только зрители в партере были перепуганными, а актерский состав приготовился к драке. В остальном, насколько Гейл мог убедиться, в салоне был полный порядок.

Бритый посмотрел на пленников под потолком, переглянулся с Лаудером, и механические руки тут же сбросили свои жертвы вниз. Террористы слабо зашевелились, но бежать не попытались. Их утащили поднявшиеся из ксенонового нокдауна «абордажники», старательно обойдя Гейла по параболе. Лаудер прошел вперед и оглядел пассажиров.

— Жалобы есть?

Сначала было тихо, а потом в салоне кто-то зааплодировал. К нему присоединились другие, точно Лаудер был режиссером нашумевшего спектакля. Гейл, стоявший сбоку от него, вдруг заметил разодранный рукав его футболки, багровый след под ним, и сходство с театром мгновенно улетучилось, оставив в животе пустоту.

Пока эвакуировали людей, курсанты сидели в пустом ряду, провожая глазами последних из пассажиров — подали резервный транспорт, и он развозил людей по узловым точкам, с которых они могли добраться до своих мест назначения. Дама с собачкой ушла одной из первых, и Гейл с сожалением вспомнил Мими — собака стала ему другом, но он не успел с ней попрощаться. Лаудер со своим бритым собеседником устроился несколькими рядами дальше, о чем они говорили, слышно не было.

— Интересно,— негромко сказал Вайз, — вот бы одним глазком посмотреть на этого Полифема. Кальмар, как думаешь,

там выжил кто-нибудь?

— Выжили, — уверенно ответил Мартинес, выглядывая в иллюминатор. — Вон выносят. Были бы трупы — зачехлили бы. И полиция приехала.

Все прилипли к стеклу, наблюдая процессию с носилками.

Док, в который загнали их лайнер, был огромен, трудно было представить остальные размеры этого исполина — пограничные войска имели право перемещаться на варпе, и их корабли легко появлялись и исчезали в любой точке пространства, несмотря на размеры. Звук, который все они слышали в грузовом трюме, был ударом трала, но никто об этом не подумал.

— И ты, Краб, не догадался про стыковку, — Вайз обернулся к Кребберу. — А мог бы, как самый умный. Прощелкал клешнями?

— Отвали, — рассеянно произнес Креббер, глядя в свой пад. — Ты вызывал погранцов, сам бы и помнил. Тоже прохлопал ластами.

— Это не я их вызвал, — откликнулся Вайз несколько удивленно.

Креббер поднял голову.

— Погоди, если не ты, то кто? Тунец?

— Нет, — Грегори, услышав свою кличку, покачал головой.

— Кальмар?

— Неа.

— Головастик, ты?

Гейл мотнул головой. Курсанты переглянулись.

— Интересное кино получается, — подозрительно сказал Девилер. — Никто не вызывал, но они прибыли. Прямо кино и хэппи-энд с высадкой десанта.

— Головастик сменил координаты на джампе за пару секунд до прыжка, — задумчиво сказал Креббер. — Я видел время. Никто из гражданских, даже если смотрел на приборы, не успел бы считать их и передать, а после прыжка питание отключилось, связь стала местной, и с корабля они уже уйти не могли. Как же они к погранцам попали?

— Пады работали, — сказал Такэда, которого теперь тоже живо заинтересовал разговор. — Теоретически с пада можно было выслать их в нужный адрес, пока работала корабельная связь. Но для этого нужно было знать их до прыжка.

Вайз с силой ткнул Гейла кулаком в спину.

— Головастик, где ты взял координаты?

— Тед диктовал, — растерянно ответил Гейл.

Все обернулись к побледневшему Тейлору.

— Принцесса, тебя кто-нибудь слышал в этот момент? —

спросил Креббер.

Тед облизал губы.

— Та женщина, у которой собака, — неуверенно сказал он. — Она сидела рядом с нами и могла слышать. Но ведь она…

Гейл сорвался с места, добежал до своего бывшего кресла и сунулся в карман с журналами, вывалил их на пол и расшвырял в стороны. Журнала с гейзерами, который он читал при старте, в кармане не было.

— Это был ее журнал, — пораженно сказал он, вернувшись на место. — И ее закладка. Что-то вроде опознавательного знака для Полифема. Может, она и рядом с Лаудером оказалась неслучайно?

— Погоди, погоди, — Вайз придавил его рукой к креслу. — Если бы она была с Полифемом заодно, зачем портить ему игру? Наоборот, она должна была всячески помогать. А она помощь вызвала нам, а не ему. Почему?

— А потому, — подал голос Креббер. — Не была она на стороне Полифема. И на нашей тоже. Она была на своей стороне.

— В каком смысле? — напрягся Вайз.

— Сторона сделки, — Креббер тоже навис над спинкой кресла. — «Изначальная Галактика» никакая не религиозная организация, она принадлежит Новой Виктории, они спонсоры и владельцы агентурной сети под ее прикрытием. Архив был опасен, а Полифем был согласен отдать его только в обмен на предоставление политического убежища. Думаю, они честно собирались выполнить свою часть сделки, пока не появился Лаудер и не превратил бедных беженцев в террористов. Предоставить политическое убежище террористам — это открытый конфликт с Шепардом. Поэтому они спровоцировали ситуацию, в которой Полифем сам уничтожил этот проклятый архив, спасая собственную шкуру. А без архива нет сделки.

В словах Креббера была железная логика, и никто не стал спорить с ним. Подоплека произошедшего стала более чем очевидна, как и неутешительный результат их собственных действий. Несколько секунд все подавленно молчали.

— Мы кретины, — тоскливо глядя в пол, сказал Вайз. — Неужели никто не догадался качнуть этот долбаный архив Лаудеру в пад во время звонка Полифема?

— Я, — просто сказал Грегори, обводя взглядом всех остальных. — А вы что, нет?

Дружный гогот курсантов заставил Лаудера подняться с кресла, прервав разговор с бритым.

— Построились, — гаркнул он.

Бритый прошел к выходу мимо них, задержавшись на секунду

возле Гейла и одобрительно кивнув ему на прощанье.

Внизу уже не было ни террористов, ни пограничников, только «абордажники» провожали их недружелюбными взглядами, идти вдоль их шеренги было неуютно.

— Дристеры, — отчетливо услышал Гейл сказанное в спину слово.

Он развернулся, чтобы разобраться с наглецом, но Тед вцепился в его локоть и потащил вперед. По его лицу Гейл понял, что случилось что-то важное, о чем Принцессе до зарезу нужно с ним поговорить, поэтому он нарочно притормозил и пошел с ним рядом.

— Как ты думаешь, — тихо спросил Тед, напряженно гримасничая, — мы на этом корабле оказались случайно? Лаудер точно не знал заранее о Полифеме?

Гейл остановился. Глаза Теда были такими серьезными, что ему стало не по себе.

— Не мог он этого знать, — уверенно сказал он. — Простое совпадение. Мы опоздали на «Голиаф», Лаудер брал билеты на первый попавшийся корабль, я сам это видел. Разве что Полифем…

Он не стал договаривать свою мысль, но Тед его понял, неохотно кивнул и больше ничего не спрашивал до самой посадки на борт.